

Егор
Нечепурнов

СНЕЖИНКА

18+

Егор Александрович Нечепурнов

Снежинка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48405143

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-08931-0

Аннотация

Хотите побывать в шкуре шпиона? Оказаться в глубоком тылу врага? Почувствовать полный спектр ощущений от восторга и возбуждения до страха и отвращения? Тогда Вам обязательно надо прочитать эту книгу. Главный герой – хорошо законспирированный молодой шпион. В силу своей профессии ему приходится выполнять задания прилетающие с родины, в основном опасные, жестокие, но иногда и приятные, т.к. он меняет ход истории и спасает неисчисляемое количество жизней. Ему не волей постоянно приходится ходить по лезвию ножа и в один день сталкивается с таким противником, которого ему не преодолеть и...

Содержание

1. Нож	4
2. Старик	15
3. Начало	34
4. Монета	48
5. Игла	52
6. Возвращение в город.	66
7. Ганс	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Егор Нечепурнов

Снежинка

1. Нож

На улице было очень темно и тихо, прям как на кладбище. Я задерживал дыхание и боялся произвести лишний звук, лежал бездвижно. Ночь была очень темная, хотя небо было чистое и звезды покрыли ровным слоем все полотно, луна была подобна огромному фонарю, было полнолуние. Ветра не было, штиль повис тяжелым грузом, любой шелест листы и шум сверчка разносился на огромное расстояние.

В дали, во многих километрах, что-то озаряло небо, было очень далеко, Я не понимал, толи – это удары молний, толи фейерверк, толи взрывы. Я чувствовал лишь то как сердце бьется у меня в груди, казалось, что и этот звук разносится на десятки километров.

Это было заброшенное здание, вдали от города, напротив моего окна был огромный дворец, хотя наверно даже замок, огромный и неприступный. В каждом окне горел свет, мелькали тени и доносился отголосок шума. Вокруг него было столько машин и грузовиков, что не сосчитать.

Охрана сытая и вооруженная до зубов, а собаки злые и

голодные патрулировали, нарезая круги. Когда они встречались во время очередного обхода, то подшучивали и обменивались новостями, останавливались на минутку чтоб потрепаться, дать прикурить. Я смотрел на них с завистью, готов был отдать все что угодно за папироску, но понимал, как никогда, курение убивает. Уголёк сигарет был как маячок в ночи, как метка для стрельбы по живым мишеням.

Мои ноги онемели, хоть на улице и было тепло, но то и дело по моим конечностям бегали мурашки, подомной был холодный и жестки бетон, и как назло ничего постелить не нашлось.

При очередном обходе охраны по территории, собаки что-то учуяли и залаяли в мою сторону, мое сердце остановилось, караульные замерли и озиралась, но через мгновение вернулись к обходу, следующие минут десять сердце билось как в последний раз, казалось вот-вот вырвется, переломав все ребра, только успокоившись, раздались громкие шаги на первом этаже, сопровождавшийся громким и тяжелым дыханием собаки.

Я бросил все возле окна, где лежал, винтовку, бинокль и вещи, схватил лишь охотничий нож и встал возле дверного проема. Двери не было, да и во всем доме не было ничего, ни мебели, ни вещей, даже стены были голые, прятаться было просто негде. Сдаться Я не мог, умереть тоже не хотел. Сжав со всей силы рукоять ножа, Я пытался слиться с темнотой, никогда не был так спокоен и сосредоточен, сейчас

был только Я и мой холодный, острый, любимый нож.

Шаги приближались, рык собаки опережал их. Время ни то, чтобы замедлило свой ход, оно замерло, Я чувствовал и слышал, как секундная стрелка на моих наручных часах делает ход за ходом, и надеялся, что мой неприятель одумается и развернувшись уйдет.

В воздухе пахло кровью, Я чувствовал вкус ее во рту, свинцовый тяжелый вкус. К сожалению, он не прислушался к своему предчувствию и неумолимо направлялся ко мне.

Рык пса заглушал его шаги, он был настолько громким и злым что, казалось, будто морда псины находится непосредственно за моим правым ухом, Я чувствовал вонь из его рта.

Нервы были на пределе, шаг и рык методично приближались, во рту от напряжения все пересохло, все тело будто сбилось в ком, все клетки, мышцы стали единым жестким как метал целым, Я уже не дышал.

В это мгновение, в проеме показалась морда собаки, неожиданно для себя, Я нащупал в кармане пустую пачку от папирос, и резко швырнул в противоположный угол комнаты, это мне дало не много, лишь на мгновение пес отвлекся на шум, как и его караульный. Он сделал резкий шаг в комнату уставившись в угол откуда исходил шум, направив туда же и дуло автомата. Рост у нас был одинаковый, мне потребовалось сделать лишь одно резкое, короткое, молниеносное движение ножом снизу-вверх, удар получился с хирургической точностью, лезвие прошло по яремной артерии,

так мягко как по растаявшему сливочному маслу. Он даже не понял, что случилось, толи комар в шею укусил, толи он только что умер, лишь схватился за горло и пытался остановить кровь, зажимая рану.

Он сделал шаг назад, за ним другой, пока не облокотился на стену, кровь брызгала во все стороны, эта красная, жизненно необходимая жидкость, что мы так тщательно бережем с рождения, храним в своих сосудах, фонтаном вырывалась из его тела. Он ослабел, ноги подкосились, начал медленно скользить по стене, спустя еще один миг и вовсе потерял искру жизни в своих глазах.

Забрать жизнь караульного оказалось самым легким, по-прежнему в этой комнате нас оставалось еще двое, Я и чистокровный немецкий пес. В жизни никогда не видел более разъяренных глаз, будто внутри них горело горячее адское пламя, при виде его оскала просто хотелось бежать, но не вздумайте поворачиваться спиной к собаке или начинать убегать, все только усугубите.

Сквозь острые как лезвия моего ножа клыки стекала слюна, он смотрел на меня как на кусок сочного, долгожданного мяса, единственное, что настораживало его, кусок холодной стали, испачканный горячей и медленно остывающей крови его спутника в моей руке.

Рык заполнил всю комнату, а так как тут не было мебели эхо дополнительно нагнетало атмосферу, словно стая собак окружила нас, заставляя обоих озираться по сторонам.

Мы стояли бездвижно, пес на четырех лапах готовился прыгнуть и вцепиться мне в горло, Я на слегка присогнутых коленях ногах, старался предугадать его действия. Больше чем уверен, это длилось не более двух-трех минут, но сейчас это было моим прошлым, настоящим и будущим.

Как не странно перед глазами не пролетела вся моя жизнь, Я был как пуля в дуле пистолета, заряжен и готов убивать, времени не было на сантименты с соплями и слезами, либо ты, а если не смог, то тебя.

На мгновение мне показалось, что с псом мы достигли перемирия. Два хладнокровных убийцы, желающие выйти из комнаты живыми, Я медленно начал пятиться назад, шаг за шагом медленно и верно, не сводил глаз со своего цербера, шел в слепую, боковым зрением Я видел дверной проем, но не был уверен на все сто процентов в правильности своих движений.

Казалось, что вот и все, можно тихонько уйти, как тут случайно пнул по ноге бездыханное тело хозяина пса, его рука так и осталась на шее, закрывая рану, а от моего удара она слетела и ударила о пол, это было похоже на взмах руки.

«О нет!!!» шепотом сказал Я.

В глазах у моего противника на секунду появилось сомнение, что его друг, наставник и конвоир еще жив и отдает ему команду, на мгновение у него даже пропал оскал, но только на мгновение, он стал еще более яростно рычать и уже готовился к атаке, поняв, что он мертв.

Он присогнул лапы, и со всей яростью бросился на меня, Я схватил его за шкуру вокруг морды и швырнул в другой угол комнаты, тем самым разозлив его еще сильнее, он бросался на меня все с новой и новой силой изматывая, сколько не пытался его оглушить рукояткой ножа у меня не получалось, на очередном прыжке весь изнеможенный Я нанес удачный удар, но выронил нож. Пес скулил в углу, а Я пытался найти свою потерю, семеня по полу руками, оглядываясь, видел его в углу, но, как назло, не мог найти нож.

Лишь нащупав ручку ножа, Я почувствовал, как на меня наваливается тяжеленная туша, а вслед за этим проникают острые зубы в мой левый бок, молниеносно крепко ухватившись за нож, нанес сокрушительный удар рукоятью в череп, пес упал в нокдаун, лишь тяжело дышал время от времени.

Боль была такой силы, что с трудом сдерживал крик и стоны. Расстегнув рубашку, увидел четыре дырки, оставленные зубами, из которых понемногу сочилась кровь.

Приложив к ране платок и обвязав курткой бок, начал спешно собираться, через минуту уже покидал заброшенное здание. Каким-то чудом вся эта перепалка осталась не замечена охраной, без проблем скрылся под покровом ночи, ну если пару дырок в боку не считать проблемой.

Боль была просто не реальной, отойдя метров на пятьсот, Я уже не сдерживал свои стоны. Если до сюда Я добрался за два часа трусцой, то назад ковылял более четырех часов, пока полностью не обессилел.

Я шел прямо на восток, навстречу первым лучам солнца. Мой бок, а точнее укус, очень сильно болел, нога то и дело онемевала. В моем представлении меня будто не собака укусила, а змея, Я чувствовал, словно по венам растекается яд, медленно парализует и доставляет адскую боль. Солнце уже проснулось и озарило землю первыми лучами, жутко хотелось пить. Мозг играл злую шутку, то и дело подкидывая мне миражи о водоемах, наполненных прохладной чистой водой. Спускаясь с очередного холма, потерял сознание и упал камнем на землю.

Единственное что помню, как лучи солнца пробиваются сквозь листья и падают мне на лицо, наверно Я отключился, потому что следующее, что было перед глазами, кадры из моего детства.

Только что мои руки были все в крови, а сейчас они маленькие, и почему-то рядом стоит мой друг детства Миша.

«Иди сюда» кричит он мне «тут много ягод!»

Недоумевая, Я подошел, там действительно было много земляники. С недоверием сорвал одну и положил в рот, она была сладкая как мед, и потрясающе вкусная, словно во рту произошел взрыв вкусов.

Я огляделся. Это был холм недалеко от дома, вдали виднелась наша деревня, паслись коровы, мужики пахали поле, а бабы шли за ними и сажали что-то. Это была маленькая деревня, не более двадцати домов, тут каждый знал соседа, и при необходимости обращался за помощью, и всегда был

готов помочь. Не было ни богатых, ни бедных, ни чужих, ни бродяг, были все одни, все свои.

Солнце стояло в зените и палило как в последний раз, моя голова, покрытая темными волосами за пару минут, превратилась в раскалённую картошку, загоня меня в тени.

Мы с Михой шли вглубь леса, красивого, березового, и прохладного. На ногах у меня были изношенные сапоги, на несколько размеров больше своего, штаны старые, и, судя по виду тоже больше размером доставшиеся от старших, голубая рубаха местами изорванная и выцветшая свисала как мешок, а в руках палка.

«Вовремя мы сделали ноги» сказал Мишка «так бы и нас заставили поле пахать»

Я не понимал в чем дело и как тут оказался, просто улыбнулся ему в ответ. Мы шли без остановки минут двадцать, пока не набрели на поляну полную ягод, остановились, и, упав на колени начали собирать, точнее жадно поедать.

«Мм, такие вкусные» сказал Я «мелкие, но слаще сахара» вкус, забытый с детства, вкус затертый горечью.

Мы ползали там очень долго, пока колени не заболели, и наши желудки не заполнялись вкусными и сладкими ягодами. Я уже был готов завалиться отдохнуть, но Мишка сказал:

«Пошли дальше к обрыву, на реку посмотрим, хватит валяться!»

Я послушно встал и пошел за ним, по дороге палкой обивая деревья и муравейники.

«Ого, смотри какой здоровый муравейник!» воскликнул Я!

«Давай на спор» воскликнул Мишка «давай кто дольше голой задницей в муравейнике просидит! Тот, кто первый встанет, просыпается в два часа ночи, выходит во двор и начинает кукарекать так, чтоб во всех рядом стоящих домах все проснулись!»

Согласен, сказал Я и сдернул штаны. Через полминуты, а то и меньше мы оба с голыми задницами сидели на огромном муравейнике, что едва был не больше нас ростом. Ощущение было диким, словно сотня комаров впилось в небольшой участок кожи. Мы оба начали стонать, а позже это все перешло в крик.

Над головой простирались огромной высоты деревья, их листва была свежа и зелена, небо голубое и чистое, а в это время в задницу кусало сотня муравьёв.

Наши крики становились все сильнее, пока не слились в один безумно громкий вопль, который за одно мгновение перебил медведь одним своим.

Перед нами стоял огромный бурый медведь, по его глазам было легко прочитать смятение. Он застыл, издав один громкий вой в нашу сторону, учитывая, что мы из-за наших воплей не заметили, как он подошёл на расстояние двадцати метров, рев был очень громкий. Наши визги и пiski прервались в момент, взглянув друг на друга, мы напялили штаны и дали деру в сторону обрыва.

Бежали как спортсмены на соревнование, представляющие, что за ними гонится медведь, только тут за нами действительно бежал большой медведь, наверно он бы легко догнал нас, может просто желал проучить или играл с нами.

Обрыв приближался, а медведь не отставал. Испуганные до чертиков мы смотрели друг на друга и не переставали бежать, оглядывались, а медведь все за нами. Прорывались сквозь кусты и деревья, а тот не отставал, все гнал и гнал нас, пока перед нами не показался и сам обрыв, Мишка бежал справа от меня, Я оглянулся через правое плечо, и позади увидел до сих пор преследующего нас медведя, посмотрел вперед, до обрыва оставалось не более пятидесяти метров, прокричал:

«Прыгаем!» в глазах товарища увидел лишь отчаянное согласие. Метр за метром, мы приблизились к краю обрыва и на самом краю прыгнули.

Солнце уже садилось, не было ни ветра, никакого-либо шума кроме нашего крика, Я оглянулся на друга и видел только искаженное страхом лицо, летящее с десятиметрового обрыва в реку, а через мгновение брызги и вода залило все.

Я чувствовал, как ледяная вода залило лицо, но это было не от погружения в реку, Я видел, как вода окутывает мое тело и в тот же момент исчезает. Мгновение назад Я летел в бурлящий поток, погружался в него, но как только дошел до уровня груди, все исчезло, не было ни воды, ни обрыва, ни

моего отчаянного напарника по прыжкам с высоты. Я продолжал лететь еще мгновение, пока не почувствовал опять ледяную воду на своем лице, а затем и на теле, холод сменила жгучая боль в боку.

2. Старик

Ко мне возвращалось сознание, либо Я летел к нему. Слышал оглушающий крик, который становился все ближе и ближе, до того мгновения пока не открыл глаза, а открыв их Я понял, что кричу Я... Я замолчал.

Надо мной стоял дед, не просто дед, а старче. Его лицо было сморщено временем и похоже на курагу, одет он был в толи изношенный пиджак толи китель бледно песочного цвета, лохмотья на ногах были не опознаваемы, сапоги изношены до такой степени, что подошва вот-вот отвалится, отец говорил про такую изношенную обувь: «Они просят каши». В руках у него было ведро, из которого он меня дважды окатил водой из ручья, Я не дополз до него всего метров десять. Смотрел он на меня, мягко говоря, с недоумением, да что тут таить, Я тоже не совсем понимал, что происходит.

Это неловкое молчание продолжалось минуты две, он подошел ближе и присел на колено, взял меня под руку и помог встать. Вместе мы пошли до его телеги, легким движением руки он швырнул меня в короб телеги забитый сеном. Не произнеся ни слова начел заваливать мои ноги, затем грудь, а когда дело дошло до головы он посмотрел мне в глаза, своими уставшими от жизни, мудрыми, старыми глазами, возможно, он искал и нашел какой-то ответ в моих, просто под-

нес палец к губам. Мне ничего не оставалось, лишь только покорно и смиренно довериться ему, Я закрыл глаза, и почувствовал, как теплое, но колючее сено покрывает мое лицо, этот давно забытый горьковатый запах полыни, горного ручья будил позабытые воспоминание о счастье, смехе и детстве. Телега поехала.

Подомной был матрац из сена, сено же и укрывало меня сверху, чувствовал каждую кочку своим раненым боком. Солнце палило, было душно и нечем дышать. Несколько раз Я толи засыпал, толи терял сознания, перемещаясь в детство.

Мне было тогда лет двенадцать. На улице была пренеприятнейшая погода, небо затянули свинцовые облака холодные как лед, пронизывающий ветер с невиданной силой носился по улицам, хлопая воротами и ставнями.

На краю нашей деревушки, в противоположном конце был участок, засеянный плодородными деревьями, яблони, груши, сливы, вишни. Мне казалось их там сотни! Хозяин был очень заботливым, ухаживал за своими деревьями, любил их как детей, и в тоже время он был нелюдим и грозен.

Мы опять шли вместе с Мишкой, он был в старой рубахе бежевого цвета, пуговицы были разных размеров и цветов, на локтях были заплатки, а рукава потерты. Брюки были черного цвета, точнее выцветшие черные, без карманов и без ремня, опоясался он веревкой. На ступнях были изношенные армейские сапоги, доставшиеся ему от брата.

Подойдя к излюбленному участку, перед нами стеною

встал забор. В детстве казался не преодолимым, грозным и крепким. Хотя на самом деле, он был достаточно старым, доски уже постарели и как старики покрылись глубокими морщинами, солнце тоже не пощадило их, изменив навсегда теплый, приятный цвет дерева на холодный пепельный, словно высосав из них жизнь.

У нас была особая дощечка с отломленным краем, которая весела на одном гвозде. Отогнув ее, мы без труда преодолели преграду. Запах спелых плодов был восхитителен, сладок и приятен, он манил нас, как медвежат манит запах мёда.

Куда идти мы знали, перебегая от одного дерева к другому как шпионы, добрались до цели почти мгновенно. Это было самое большое дерево на участке, его высота не соврать была наверно метров семь. Огромные, тяжелые ветки тянулись в разные стороны, но увесистые и бесчисленные плоды прижимали их к земле.

– «Давай наверх! Там краснее и слаще!» крикнул Я.

– «Подсади, а Я тебя подтяну» сказал напарник.

Мы были маленькие и проворные, забраться было проще простого. На самом верху были огромные яблоки, Я их держал двумя руками. Одна сторона красная, другая желтая, когда падало солнце и яблоки были зрелые, казалось, что в воздухе зависали капельки меда, свет проходил сквозь них, они святились как лампочки.

Прочно усевшись на ветке, Я сорвал самое красивое, по-

тер его о рубаху и поднес к носу, вдохнув его запах, сразу понял, что это самое вкусное, жадно откусил кусок и почувствовал как по моим губам, вскоре и подбородку потек сладкий яблочный сок. Мякоть этого прекрасного плода была слегка рыхлой, и настолько ярко желтой, что казалось почти прозрачной.

Как бы мы не ценили все эти прекрасные моменты, они останутся не до оценёнными в будущем, но счастье в том, что они были у нас!

Минут через двадцать мы были уже похожи на два обьевших медом медвежонка, зависших на могучих ветках дерева. Тучи становились все чернея и чернея, ветер гнал холодный воздух, дрожь пробиралась сквозь тело, оглушительный раскат грома сокрушил все окружающее, за ним второй, третий, почувствовал, как пот потек по лбу и все затряслось, земля тряслась, дерево дрожало, дыхание замерло...

Оглянувшись начал искать Мишку, его не было ни надо мной ни подомной, пейзаж ментально изменился, Я был на дереве, а дерево стояло одно в зеленом и пустом поле, сильный порыв ветра качнул меня, не удержавшись Я начал падать, ветки распускались перед моим телом, падая махал руками пытаюсь ухватиться хоть за что-нибудь но увы, не получилось.

В испуге открыл глаза, и почувствовал, что телега все ехала и ехала. Под колесами были камни, мелкие сменялись крупными, сильно трясло. Приближался гром, Я слы-

шал звук армейского мотоцикла, наверно даже двух, шум выхлопа перебивал друг друга. Страх начал овладевать мной, сперва моим разумом, вскоре и телом. У меня был только нож, который Я захватил с собой, но, увы, не мог его нащупать.

Мотоциклы приблизились, телега со скрипом остановилась. Речь была ели слышна, различимы только два голоса, один очень эмоциональный, второй монотонный. С каждым криком сердце билось быстрее и быстрее, боль в боку начала резать меня на части, чувствовал, как в меня снова вцепилась овчарка зубами, стараясь вырвать кусок плоти.

Свои стоны Я обуздал, а вот дышал Я с надрывом и сквозь боль. Пульс был подобен ударной волне, растекающейся по всей округе, сотрясая все на своем пути. Я пытался лежать, не дышать и не думать о плохом, но в такие моменты это сложнее всего сделать. Пытался притвориться камнем, уйти от реальности, повторяя себе:

«Все хорошо! Они уйдут!» затем, пытаясь расслабиться, перемещал себя в пространстве и времени.

«Вот мы с Мишкой сидим на дереве, едим самые вкусные яблоки на земле» говорил себе в пол шепота «Все хорошо, только гроза приближается, нужно уже начинать слезать с дерева и...»

Моё перемещение прервал патрульный, подойдя близко к моему стогу сена, Я его чувствовал, слышал и, казалось, что даже видел его. Он был на расстояние вытянутой руки

Я прекрасно слышал его голос, но разобрать речь не получалось, словно у меня в ушах был генератор серого шума, только помехи, только шум, он накатывал на меня волнами, одной за другой.

Он поставил руку на телегу, она даже чуть-чуть наклонилась. В этот самый момент Я решил, вот и все, здесь и закончится моя история не успев начаться.

Я перестал дышать, опять чувствовал, как на моих часах идет секундная стрелка, словно превратились в огромные башенные часы, перемещали огромную стрелку со скрипом, пульс замедлился, но звук ударов сердца был сравним с тяжело скачущим скакуном, громкий и глухой. Со лба стекал пот, огромные горячие капли поддавались законам гравитации скатываясь то по волосам, то по лицу, жутко хотелось пить, а соленые капли пота то и дело попадали на губы и просачивались в пересушенный рот.

В итоге Я опять потерял сознания, сколько прошло времени, Я не знал. Помню только как очнулся, в горле уже все пересохло, не мог сделать и единого вдоха... Как мертвец, вырывающийся из могилы, Я вырвался из стога, мог издать только жуткий хрип, который сильно испугал старика. Он остановил повозку и подошел ко мне с флягой.

Это была самая вкусная и живящая вода, не помню, чтоб так радовался и пил так жадно, вполне вероятно, что выпил бы все, но старик отобрал ее у меня. Посмотрел грозно, опять прислонил указательный палец правой руки к губам,

потом повернул горизонтально сведя большой и указательный, и начел указывать тем же пальцем на левое запястье. Первые пару секунд Я был ошарашен, но быстро понял, что он говорил, что осталось еще не много времени ехать. Я кивнул ему, на лице и в душе было облегчение, Я до сих пор жив.

Совсем чуть-чуть засыпав мою голову сеном, мы опять отправились в дорогу. Поменяв положение с лежа на полусидя, Я сделал небольшую щелочку, чтоб иметь возможность спокойно дышать и смотреть во круг.

Солнце уже садилось, веяло прохладой. Небо озарилось кровавым цветом, облака были подобны песку на пляже, растасканным крупичам волнами ближе к солнцу. Другая сторона горизонта была без облачной, голубой и глубокой как море.

Это был теплый июльский день, моего любимого время года. Все вокруг веселое, живое и жизнерадостное. Щебетали птички, ласточки веселые летали и играли в догонялки сопровождая все происходящее веселыми визгами и невероятными фигурами летного мастерства, то выполняя бочку, или закладывая резкий штопор. Метрах в пятидесяти от дороги за забором прыгали маленькие козлята, стараясь запрыгнуть на все что их окружало, на корыто, стол, забор или любую другу скотину, будь то коза, собака или лошадь, этим непоседам было всё равно, всё равно было и их окружающим, они смиренно терпели их детские шалости.

По правую руку от меня было засеянное поле, готовя-

щеся к сбору урожая, золотого, теплого цвета, неспешна, неторопливо качающееся от слабых дуновений ветра, словно мелкая рябь на воде.

Слева стеной строились сосны, строгие, молчаливые стволы стремились к солнцу, обгоняя друг друга стремились получить свой лучик тепла и жизни. Лес был старый, деревья высокие, стволы широкие, внутри было очень темно, макушки деревьев жадно поглощали весь свет, не пропуская ни капли вниз.

Я обессилел, ни чувствовал ни рук, ни ног, даже рана меня не беспокоила. Эта поездка тянулась вечность. Дабы хоть как-то скоротать время, вспоминал тот день, когда мы с другом лазали за яблоками.

«Давай спускаться сказал Я».

Мишка покорно ответил: «Давай».

Не спеша, аккуратно, шаг за шагом, ветка за веткой мы спускались в низ. Яблоня была очень взрослой, с толстым, темно коричневым стволом, местами потрескавшимся. Для этого дерева наш вес был пушинкой, даже не шелохнулась пока мы проделывали наш путь сначала вверх, а потом вниз.

Спрыгнув на землю, мы сразу направились в сторону нашего тайного прохода, но едва сделав пару шагов, услышали громкий свист, на крыльце, метрах в ста от нас стоял хозяин участка, он махнул нам, чтоб мы подошли.

Я как заговоренный развернулся и пошёл в сторону дома, мягко говоря, мы шли не хотя, но куда было деваться?

«Давай сбежим» предложил напарник.

«А смысл? Он знает в лицо и нас и наших родителей. Если сбежим, может подумать, что мы что-то украли. Я не хочу быть виноватым без вины».

Лицо у моего товарища мягко говоря было испугано, сделав еще несколько шагов он остановился. Его раздирали и стыд, и страх.

«Ммм...» издал он.

«Да что с тобой?!»

«Я не могу...»

«Не будь тряпкой! А ну пошли!»

Но тут Я похоже перегнул, он развернулся и чуть-ли ни с воплями побежал прочь, в сторону нашего тайного хода в заборе. У меня был большой соблазн последовать его примеру, и только скрипя зубами Я смог собрать волю в кулак, развернуться и идти на встречу к владельцу фруктового дерева.

«Трусиха!» прошептал, поглядывая ему в след.

Опустив голову, Я медленно шаг за шагом шел, приготавливая себя к тому, что меня сейчас начнут отчитывать. Чем ближе подходил к владельцу участка, тем больше и страшнее он казался мне. Ростом наверно метра два с половиной, в плечах широкий как шкаф, а кулаки размером с мою голову.

Он стоял на своем крыльце, сложив руки на груди. Лицо было очень серьезным, но молодым, на взгляд ему примерно лет тридцать. На нем была поношенная белая рубаха с зака-

танными рукавами и заштопанными локтями, серые брюки и кирзачи.

«Напарник твой рубаха парень» его суровое лицо исказила улыбка, он засунул руки в карманы.

«Ну да...» с облегчением после улыбки ответил ему «он в любой непонятной ситуации предпочитает делать ноги...» мы оба засмеялись.

«И часто вы ко мне лазаете за яблоками?!» суровым голосом спросил он.

«Нет...» опустил голову от стыда.

«Что еще воруете?!»

«Ничего! Честно! Мы только по паре яблок съели, даже с собой не взяли... Смотрите...» начал выворачивать карманы.

«Ну ладно, смотри у меня!»

Моментально ветер прекратился, и через пару секунд начался ливень. Огромные холодные капли воды падали с неба стеной. Он схватил меня за шкурку и затащил под козырек крыльца.

Я поднял голову чтоб посмотреть на него, так как он был высоченный, подбородок пришлось задирать очень высоко. Он посмотрел в мои большие, карие глаза, сделал глубокий вдох и сказал:

«Пошли, чаем тебя напою...»

«Может?..» тоненьким испуганным голосом начал Я.

«Не может» перебил он меня «куда ты в такой ливень пой-

дешь? Заходи давай. Мне тут бабка пирожков принесла, наверно теплые еще...»

Я уселся на стул, весьма стесненный происходящим. Комната была очень большой, тучи нагнали мраку, почти полностью загоротив дневной свет. Хозяин принес и зажег керосинку. Оглядевшись, Я увидел большую кровать в углу, идеально, как струнку застеленную, большую печь, на которой уже закипал чайник, стол с парой тарелок, да и, собственно, все, если только еще упомянуть закрытую дверь в конце комнаты.

«Угощайся» сказал он мне, поставив тазик пирожков.

«Спасибо» робко сказал в ответ и схватил по штуке в каждую руку.

«Тебя как зовут?»

Прожевав пирожок с яйцом и луком, Я назвал ему свое имя.

«А меня Игорь. Давай договоримся так, Я вам не запрещаю лазать за яблоками, но при нескольких условиях» жуя пирожки и запивая чаем, Я его внимательно слушал. «Первое – вы ни ломаете ветки и ни каким другим образом не портите дерево. Второе – ничего с собой не уносите, пришли, сколько смогли съели и ушли. И третье – больше не надо лазать через забор, заходите через ворота, Я почти всегда тут, и мне будет приятно пообщаться с молодежью».

«Хорошо» ответил ему с набитым ртом, он улыбнулся, улыбнулся и Я в ответ.

«Ну а теперь жуй» сказал он, уходя «пока не даешь весь тазик, не уйдешь».

Мое приятное воспоминание прервала остановившаяся со скрипом телега. Старик подошел, разгреб с меня сено, и опять поднес указательный палец к губам.

Он не стал тратить силы чтоб поднять меня, на мое удивление он просто столкнул меня с телеги. Только и успел что открыть рот от удивления, как уже приземлился на сено. Повозка вместе со стариком исчезла через мгновение.

Он оставил меня в огромном амбаре, там было как минимум четыре загона для скота, но все они были пустые. В темноте мало что можно было разглядеть. Через дыру в потолке пробивался лунный свет, пытаясь хоть как-то осветить амбар. Напротив меня, на стене весели подковы, упряжки, веревки, и инструменты. За моей спиной был огромный стог сена.

Я не понимал ни где Я, ни зачем он привез меня сюда. Прошло пару минут, и старик возвратился. У него в руках была краюха хлеба и горшок с водой. Он отломил кусок, и поднес к своему рту, держа небольшой кусочек перед губами тремя пальцами, большим, указательным и средним. Открыл рот, и начал смыкать губы, потом поднес руку к своему боку, и тыкал в него пальцем, посмотрел на меня и кивнул головой снизу-вверх, мол – понял?

Я смекнул, что он показывал, но мягко говоря, был удивлен. Старик не был компанейским, и сразу ушел, оставив ме-

ня одного.

Здрав рубашку, Я посмотрел на свой бок, он был синий, возможно, синеву предала луна, но другого света не было. Взяв горшок с водой, Я смыл кровь и промыл рану, потом принялся следовать совету старика, взял мякиш в рот и стал разжёвывать, жевал до тех пор, пока он не превратился в кашу, сплюнул на руку и начал лепить маленькие шарики. Сделав шарики, или что-то похожее на них, мне предстояло самое сложное, засунуть их в раны от зубов.

Перевалившись на правую сторону начал заниматься самолечением, боль мягко говоря была жуткой, казалось, что меня опять кусает собака, но уже истерзанную и обессиленную плоть.

Я чувствовал, как медленно теряю сознание, и чтоб не допустить этого, делал себе больнее, намеренно засаживал комки хлеба глубже в рану. Так продолжалось с первой раной от укуса, со второй, с третьей, но как только закончил четвертую, сознание вновь покинуло меня.

Очнулся Я, наверное, через несколько часов, луна еще светила, только переместилась из одного конца дыры в другой. Тишина была вокруг, только шум сверчков доносился снаружи, и мыши пищали деля корку моего куска хлеба. Отогнав их, Я решил подкрепиться, чтоб набраться сил, запив водой, и закрыл глаза, старался быстрее уснуть, пока боль не вернулась.

На утро открыв глаза, прямо перед моим лицом стояла пара

грязных сапог, от неожиданности Я подскочил. Сделав резкое движение, Я напряг мой покалеченный бок, боль ударом кувалды сотрясла меня.

«Ммм...» сквозь зубы простонал, пустив слезу.

«Кто ты?» спросил он.

Только через пару секунд Я смог протереть глаза и увидеть, что надо мной стоит не солдат с винтовкой в руках, а маленький пацанчик.

«Я эээ...» сказал от растерянности.

«Меня Павел» сказал мальчишка.

«Ты откуда?»

«Я тут живу, а ты?»

«Я... Я не знаю где Я...» он рассмеялся после моих слов.

«Это сарай моего деда» мальчишка слегка картавил, совсем чуть-чуть, еле заметно.

«А твой дед немой?»

«Да» его лицо опечалилось «с недавних пор».

«Что случилось?»

«Пришли солдаты и начали все обыскивать, ничего не нашли, потом начали забирать и допрашивать по отдельности. Их главный мне сразу не понравился».

«Почему?» спросил Я из любопытства.

«Он был очень злой и противный».

«А как он выглядел?»

«Как все плохие люди» он развел руками «В форме и фуражке, на груди было много блестящих значков, он ими прям

хвастался, выпячивая грудь вперед. На лице у него было... ммм, забыл, как называется, стекло...» мальчишка отчаянно вспоминал слово, которое не мог найти.

«Очки?»

«Нет, половинка очков» он чесал голову уставившись в потолок, пытаясь сосредоточиться.

«Мне кажется Я понял какое слово ты вспоминаешь» опустил глаза и смотрел на меня ожидая ответ «пенсне?»

«Да! Точно! На левом глазу у него была вот эта штука, он постоянно щурился. На нем были до блеска начищенные сапоги, наверно даже свое отражение в них видел, а в руке была трость с большой круглой рукояткой».

«Ты хорошо его запомнил».

«Он меня очень сильно испугал».

«Чем же?»

«Сперва мы стояли на улице. Он подошел к нашему соседу и сказал выйти. Но тот не сразу начал выполнять его команду, наверно испугался или не понял, этот страшный дядя взял трость за другой конец и больно стукнул его по коленке, сосед упал и плакал от боли, до сих пор жалуется, нога, говорит, толком не сгибается».

«Ого» к сожалению, таких садистов сейчас пруд-пруди, а проявление агрессии и жестокости только поощряется в армии, куда катится мир?

«Это еще не все. Когда к соседу подбежал его брат помочь, он и его стукнул, по зубам попал. Пять зубов выбил!

Пять! Представляешь?» мальчик был очень эмоциональный, он старался передать все что у него внутри, все эмоции, глаза были широко открыты и постоянно жестикулировал, для большего эффекта он показывал мне цифру пять растопырив все пальчики на правой руке.

«Мда... не завидую ему...» за ним было приятно, и даже местами смешно наблюдать, приходилось держать себя в руках, чтоб не улыбаться.

«Мне так хотелось убежать...» он сунул руки в карманы изорванных штанов «а потом все плакали», достав руку он потер нос.

«Почему плакали?»

«Солдаты их уводили и избивали».

«А что они искали?»

«Партизан» его большие голубые глаза наполнялись слезами.

«А вы их прятали?» спросил Я.

«Нет. А кто такие партизаны? Я не знаю» у него было очень доброе и в тоже время грустное лицо.

«А что было дальше?»

«Когда раздался выстрел, солдат, охранявший нас: меня, папу, маму, деда, вышел на улицу проверить. Дед с отцом закинули меня на чердак, и велели спрятаться так, чтоб даже они не нашли»

«Куда спрятался?» подбадривая спросил его.

«В самом углу лежат старые чемоданы, а на них еще куча

вещей, так вот, между чемоданом и стеной из пола торчат огромные гвозди, забитые снизу, они не дают их придвинуть в плотную, там Я и прячусь когда провинюсь, главное не наступить на гвозди».

«Они тебя искали?»

«Кто?»

«Солдаты!»

«Да, искали... очень громко ругались. Я там долго просидел».

«Что было дальше?»

«Сначала они вывели всю скотину из всех домов и увели, потом вывели всех людей» он уже начал всхлипывать, пытаюсь сдержать слезы.

«Тихо-тихо, тебя тут никто не обидит» сказал Я.

«Они поставил их на колени... и главный солдат начал стрелять в них в случайном порядке, все выкрикивая «ГДЕ ОНИ!? ГДЕ ОНИ!?» но все молчали...»

«Присядь со мной» сказал в надежде хоть чуть-чуть успокоить.

«Он взял моего деда и поставил к стенке «Если вы будете молчать сказал он, буду его резать по кусочкам. Кто пошевелится стреляйте» скомандовал он солдатам, достал нож и приставил его к горлу, схватил деда сильно сжав скулы левой рукой и кричал «Высунь язык! Высунь язык! Или всех убью!» мой отец не выдержал и бросился на солдата с ружьем, повалив его на землю завязалась драка. Все стоящие

рядом солдаты подбежали их разнимать, но прежде, прозвучало два выстрела».

Я взял его за руки, он балаболит как радио, хотел выговориться и выплеснуть все накопившееся.

«Кто стрелял?»

«Тот которого повалил в драке мой отец. Он наверно хотел выстрелить в отца, но не мог поднять руку во время борьбы. Одна из пуль попала матери в горло. Услышав, как мать захлебывается кровью, отец бросил солдата и рванул к ней. Звуки были ужасные, все происходило возле нашего дома, и через маленькую щелочку Я все видел и слышал. Одной рукой она держалась за шею, а другой держала отца за плечо. Она пыталась что-то сказать, но вместо слов было громкое бульканье... Бур-бур...»

Огромными каплями по его лицу текли слезы, Я прижал его к себе, но он не останавливался, только переведя дыхание опять продолжил говорить.

«Отец повторял и повторял «Все будет хорошо! Все будет хорошо! Держись! Я люблю тебя!» абсолютно все замерли. Она перестала дышать, но глаза были открыты и также смотрела на отца. Я никогда не слышал такого дикого крика как в тот день, это кричал отец» он остановился.

«Что было дальше?»

«Солдат, на которого он напал, встал, отряхнулся и подошел к нему со спины. Не произнес ни слова, достал пистолет, приставил к затылку отца и выстрелил. Его тело упало

на мать. Я плакал».

«А что случилось с дедом?»

«Дед упал на колени и рыдал. Главные подозвали помощь, подняли его, открыли рот и отрезали язык, кинул его в грязь. Потом, велел всем солдатам построиться и покинуть деревню».

«Господи...» прошептал Я. Договорив, он перестал плакать, просто крепко обнял меня и замолчал.

Так мы просидели с полчаса, если не больше.

«А что с тобой случилось?» с любопытством спросил он у меня.

«Меня укусила собака».

«Большая?»

«Нет, щенок...» он засмеялся «да, больше тебя раза в три».

«Ты дразнил её?»

«Нет».

«А что тогда?»

«Забрел на её территорию».

В воздухе запахло свежим хлебом, Я не произвольно сглотнул.

«Ты, наверно, хочешь есть?» спросил меня мальчуган.

«Ага» робко ответил ему.

«Я тебе что-нибудь принесу» сказал и убежал мой соседник.

3. Начало

Он оставил меня наедине со своими мыслями, Я лежал и вспоминал, то что стало ключевым в моей жизни, то что привело меня сюда, то что определило меня и сделало таким, какой Я сейчас.

Это было мрачное время, мое беззаботное детство уже давно закончилось и перешло в юность. Наша небольшая деревня стала еще меньше, демобилизация забирала всех, кроме детей, женщин, стариков и калек.

Моё любимое дерево медовых яблок уже перестало давать сладкие плоды, они стали жесткие и кислые, а все потому, что хозяин ушел на войну, и скорее всего не вернется. Его дом превратился в мрачную избу, темную и холодную. Ни смеха, ни ароматных пирожков там уже не было.

День, который изменил все, был обычный, холодный, хмурый сентябрьский понедельник. Рано утром мы должны были ехать в город, в военкомат. Нас было много, Я, отец, Мишка, его отец и т.д., мы попали под новую волну призыва. Сев в кузов грузовика, мы приготовились отправиться в путь, но он не заводился. Все собрались перед капотом грузовика и по очереди пробовали прокрутить кривой, убив примерно полчаса, а может и больше мужики начали разбирать двигатель, мы почувствовали себя лишними.

«Отец, можно мы сходим шишек кедровых нарвем в дорогу?» спросил Я.

«Хорошо, мы как закончим, погудим».

«Пошли» сказал Я приятелю.

«Только пулей сюда!» добавил отец нам в след.

«Да, да...» не оборачиваясь ответил ему. Это был наш последний разговор. Наверно любой человек, будь то ребенок, родитель, любимый человек или просто друг, зная, что это их последний разговор сказал бы наверно самые добрые и нежные слова, но, увы, мы не знаем, когда придет наш час, не знаем, когда нужно прощаться.

Метрах в трех ста от деревни рос огромный и щедрый кедр. Его высота была метров тридцать, если не больше, а шишки размером с кулак.

«Давай как всегда, Я за шишками полезу, ты собираешь что скину».

«Лады» сказал Мишка.

«Подсади».

Дерево было очень взрослое, ветки толстые и сильные, а мой вес для него был пушинкой. Поднявшись метров на двадцать, Я уже устал карабкаться как обезьянка с ветки на ветку, да и смысла толком дальше лезть не было, Я нашел нужную ветку, вся пушистая от шишек.

Запах хвои, наверно один из моих любимых, свежий и бодрящий, попадая в нос он как будто начинает покалывать, и бодрить своей свежестью, при этом даря теплые воспоминания.

нения о новогодней елки в доме.

Сделав пару глубоких вдохов, Я насладился этим прекрасным свежим ароматом, и преступил к своей первостепенной задаче, шишка добывательству.

Ощипав одну ветку, переключился на другую, на третью и так до тех пор, пока не услышал крик снизу:

«Хваток! Эти еще унести надо, давай слезай!»

На мгновение Я замер, чтоб насладиться этим чудесным видом, вся деревня была на ладони, там вдалеке, ближе к лесу был мой дом, такой крохотный и аккуратный, деревья маленькие, словно игрушечные. Посередине был муравейник, все кучей встали вокруг грузовика и шевелились вокруг него. Не было ни дуновения ветра, полный штиль.

Насладившись видом, Я аккуратно начал ползти по ветки к стволу дерева, как вдруг раздался пушечный выстрел. Я оцепенел и боялся повернуть голову.

«Что там? Что такое» кричал мой приятель снизу.

Обернувшись, Я увидел медленно и грозно выплывающие танки с пехотой из леса напротив. Мое сердце остановилось.

«Т-Т-Танки» если выговорил Я «ТАНКИ! БЕГИ!»

Звучал град выстрелов, от страха у меня тряслись и не слушались руки, танки приближались к деревне, а мне еще нужно было проделать пол пути до ствола. Старался вцепиться как кот когтями в дерево, но мои ладони уже вспотели и стали скользкими.

С деревни доносились крики и душераздирающие вопли,

все бросились в разные стороны, дым начинал застилать дома.

Один из снарядов пролетел намного выше положенной траектории, видимо транспорт наехал на какую-то кочку, снаряд ушел в молоко, почти в молоко. Он полетел в кедр, по которому карабкался Я, и сбил ветку на макушке.

Гул приближающегося снаряда был оглушающим, Я дрожал как осиновый лист на ветру, как только мне показалось что все позади и снаряд пролетел, раздался грохочущий хруст, на меня летела огромная пушистая кедровая ветка, ломающая все на своем пути.

Я не знал, что делать, оцепенел и вцепился как можно крепче в единственную опору что была у меня. Естественно мне это не помогло, словно волна обрушилась на незащищенный песок и сровняла его. Я летел и собирал спиной все ветки на пути, попытки ухватиться были тщетны, мое падение было неотвратимо.

Следующее что помню, как лицо щекотали хвойные иголки, выбравшись из-под веток, Я был рад не обнаружить переломов, но обернувшись на деревню, увидел то, что комом встало в горле. От наших домов осталось только пепелище.

Солнце уже садилось, дым развеялся, только в некоторых местах еще горели дома. Ни одной целой постройки не осталось. Меня словно сослали из рая в ад. Мгновение назад, тут все было зелено, живо, сейчас серо и мертво.

Было сложно осознать увиденное, да что там, сложно ды-

шать, понимая, что всё уничтожено...

Переведя дыхания бросился искать отца, мать, брата, соседей, друзей. Все вымерли.

Никогда не забуду этот отвратительный запах гари, горелой плоти, резины. Следуя по улицам, Я не мог поверить в то, что это мой дом, моя деревня, да и вообще, что это была когда-то жилая деревня, дома были размазаны как грязь по улицам, крыши, окна, двери, тряпки и стекла покрывали землю. Естественно, первым делом Я рванул к себе.

Огромными каплями покатались слезы по лицу, когда увидел, что от дома осталась только полу развороченная крыша, судя по следам гусениц танк въехал в него, и не успокоился пока не разрушил все на своем пути, предав все воспоминаниям.

«Грузовик!» прошептал себе «все были у грузовика!»

Чем ближе приближался к грузовику, тем сложнее было идти. Воронки от снарядов, разорванные тела, руки, ноги, все было в саже и тлело.

Наконец добравшись до грузовика увидел лишь одно целое тело, Степан водитель, сидел опершись на колесо.

«Живой?» Я начел его трясти.

«Да» сказал он сквозь кашель.

«Где все?»

«Они выехали из леса и начали палить, по всему, по домам, по людям, по скоту...» он очень громко дышал, ему было больно, постоянно прерывался «один из первых снаря-

дов упал возле грузовика, те кто был там разорвало, а меня откинуло волной на кривой» Я обратил внимание что он не может пошевелить ни рукой, ни ногой.

«Что у тебя тут?» наклонил его тело на себя, из спины торчал кусок кривого вала.

«А-а-а-а!» закричал он «Господи, почему так больно?!»

«У тебя в спине прут...» он зарыдал. Я взял его за руку, но не чувствовал в ней жизни.

«Ничего не чувствую в руках» сквозь слезы и боль говорил Степан.

«Расскажи мне, что было дальше?»

«Твой батя подтащил меня к колесу, и сказал: «Я сейчас вернусь, держись!» и ушел. Все побежали в разные стороны, а взрывы все приближались и приближались. Танки ехали сквозь дома и давили все и вся на своем пути, ни щадя ни женщин, ни детей» на секунду он остановился «хочу пить, принеси, пожалуйста, воды».

«Сейчас» Я забежал в ближайший дом, точнее в развалины, схватил кружку и побежал к колодцу за углом.

«Держи» сказал ему вернувшись. Прислонил кружку к губам и напоил его.

«Все было как в тумане, после очередного залпа у меня заложило уши, в голове был гул, словно голову засунули в церковный колокол и били по нему. Я наверно потерял сознание, а когда очнулся надомной стояли солдаты. Их растолкал один, выше по званию в фуражке, и что-то говорил

мне, Я не слышал, только видел, что у него двигаются губы. Дай еще воды».

«Не торопись, она холодная».

«Потом он взял мою руку и бросил, взял ногу, бросил. Достал нож и воткнул мне в ногу. Я не чувствовал боли, он довольнo улыбался».

Я только сейчас заметил, что у него из ноги до сих пор торчит нож.

«Вынь его, пожалуйста» измученными глазами сказал он, посмотрев на меня.

«Тебе точно не больно?»

«Нет...» сказал он сквозь слезы.

Это был красивый охотничий нож, наверно он оставил его как издевку, мол облегчи себе смерть, убей себя.

«Я не чувствую!!!» кричал он.

«Из наших выжил кто?»

«Да как уж тут разберешь...» через минуту продолжил он «тут тел то целых нет... одних разорвало от взрывов, другие танками подавили. Сволочи!»

«Может в плен кого взяли?».

«Я не видел... Знаю только, что они туда ушли» кивнул головой в сторону. Он затих на минутку «Помоги мне, пожалуйста».

«Да конечно, сейчас я сделаю какие-нибудь носилки и...»

«Не надо, все равно не жилец!»

«Не говори так! До города доберемся, там тебя подлата-

ют!»

«Не доживу... Буду мучиться и тебя мучить. Возьми нож, и облегчи мне смерть...»

«Так нельзя!»

«Так нужно!»

«Я так не могу...»

«Пожалуйста, мне очень больно, мне трудно дышать, Я не могу пошевелиться. Я лежу тут может час, может два, но каждая секунда, дыхание и слово причиняет мне непереносимую боль».

Его лицо было искажено болью, он мучился. Хоть Я и понимал, что это милосердие, но мне было очень трудно взять нож. Каждый удар сердца выкачивал из него жизнь, каждый вдох причинял боль, каждый миг он желал смерти.

«Ударь меня ножом в грудь, Я тебя прошу и прощаю, это моё желание. Пожалуйста, исполни его».

Я взял в руки нож, хороший, красивый охотничий нож, он как влитой сидел в моей руке, четыре дюйма дерева и шесть острова как бритва и холодного железа. Провел большим пальцем по лезвию и сам не почувствовал, как потекла кровь.

«Прости и прощай...» сказал ему глядя в глаза.

Оказалось, сделать это намного проще, чем решиться на это. Крови было не много, нож вошел как в масло, прямо в середину грудины. Я не уверен, но мне послышалось, что он успел сказать: «Спасибо» прежде, чем умер. Я знал, что

сделал правильно, и понимал, что это не последний человек, которому навсегда закрою глаза.

У меня не было сомнений, никакого сожаления Я не испытывал. Что-то изменилось внутри, Я перестал быть ребенком или юношей, Я стал боевой единицей. Вынул нож из тела, вытер кровь и пошел искать еды в дорогу.

Отправился Я перпендикулярно следам техники, по диким тропам, именно в тот город куда нас всех вызвали на призыв. Шел всю ночь, несколько раз терял тропу, но к первым петухам вышел в город и вскоре добрался до нужного адреса.

Я пришел на пару часов раньше открытия, времени было достаточно чтобы подремать, устроившись на лавочке меня почти моментально вырубил, теплое солнце ласкало лицо, слабый ветер трепал волосы, такой колыбели сопротивляться очень трудно.

«Солдат спит, служба идет».

Надо мной стоял усатый дядька.

«Что развалился?! А ну подъем! Шагом марш!» Я проследовал за ним.

«По призыву прибыл?»

«Да».

«Откуда?»

«С дубровки».

«Чаво? Вы должны были вчера прийти, и не один, а человек двадцать!»

«На нас напали, Я не знаю где остальные...»

«Ну-ка рассказывай!»

Я поведал ему всю историю случившегося, после чего он отвел меня в конец коридора и оставил в комнате, с одним столом и двумя стульями друг против друга.

«Сиди тут, сейчас решим, что с тобой делать» закрыл дверь на ключ и ушел.

Ожидание заняло не много не мало, два дня и три ночи. Меня кормили два раза в день и давали пользоваться туалетом, это все, что касалось удобств. Спать приходилось то на стульях, то на столе.

На третий день зашел высокий, усатый мужчина. Он был строго заправлен, но не в военной форме, держался статно, но никаких опознавательных знаков, говорящих о его звании, не было. Я не знал, что ожидать и просто встал, он обошел меня, взял один из стульев и поставил его напротив, так, что стол остался между нами.

«Присядь» сказал он.

У него был очень тяжелый взгляд, хотя это даже взглядом сложно назвать, он смотрел мне в глаза и будто сверлил меня насквозь.

«Откуда ты говоришь?» опять начал он.

«С дубровки».

«Я только что оттуда, там ни осталось никого, и ничего. Все дома сожжены, тела покалечены, а на тебе только пару ссадин... Как такое может быть? У меня складывается впечатление,

чатление, что ты либо предатель, либо трус... Еще конечно есть третий вариант, ты шпион, вражеский разведчик. Что скажешь на это?»

К горлу подкатил ком, сглотнув Я открыл рот и начал пытаться подобрать слова.

«Ну... Я, это...»

«Ты успокойся, если хочешь признаться, просто так и скажи».

«Мне не в чем признаваться. Мою деревню сожгли, и Я не знаю, что произошло с моими соседями и друзьями...»

«Как так? Ты сбежал?»

«Нет, мы должны были с утра выехать в город на грузовике, но тот сломался, его не могли починить. Мы с другом отпросились у отцов за шишками сбежать, чтоб в дороге было что погрызть. Как только добежали до кедрового дерева, заметили, что с противоположной стороны леса выезжают танки. К этому времени Я был на дереве и скидывал шишки» он слушал меня внимательно, но в его глазах было очень большое сомнение в правдивости моих слов, лишь отвлекался изредка и делал пометки в своем блокноте. «Когда увидел их технику, крикнул другу, чтоб он бежал в деревню и предупредил всех. Больше Я его не видел».

«Что было дальше?»

«Я пытался слезть с дерева, не уверен, но мне показалось что в дерево попал снаряд и меня сбила огромная ветка с макушки его, хотя вполне возможно, что Я просто потерял

равновесие и упал».

«И долго ты там провалялся?»

«Очнулся Я засыпанный ветками, солнце уже садилось, и было очень тихо».

«Ты видел куда они ушли?»

«Нет, когда Я вылез, дым разошелся, и не было ни одной живой души».

«Может ты нашел кого живого?»

Мне хотелось рассказать про водилу, но пришлось бы добавить, что это Я его убил, а из этого ничего хорошего точно не получилось бы.

«Нет, к сожалению, Я никого живого не встретил. Там ни осталось ничего, и никого. Пошарив по домам, Я взял еды и пошел в город».

«А что это за нож у тебя?»

На мгновение он застал меня врасплох.

«Я не хотел говорить про него».

«Ну, будь любезен...»

«Я вынул его уз груди водителя, его труп лежал возле грузовика».

«Может ты что-то еще не договариваешь?»

«Нет, это все».

Он достал сигаретку и закурил. Смотрел на меня, не моргая несколько минут, то щурил глаза, заглядывая мне в душу, то будто не замечал меня, потом быстро пробежался глазами по своим заметкам.

«Хорошо. Если хочешь, чтоб Я тебе поверил, быстро перескажи тоже самое, но в обратном порядке, у тебя времени, пока Я курю».

Мне показалось, что он шутит, но его суровый взгляд ментально развеял мои сомнения. За минуту Я рассказал ему всю историю в обратном порядке, это было не сложно, ведь все было именно так, ну почти все, кроме ножа.

Он опять закурил, не сводя с меня глаз, смотрел так внимательно как кот на глупого и доброго пса, который не понимал, что первый от него хочет.

«У меня мало времени» продолжил он «могу тебе предложить два варианта. Первый: ты идешь служить как рядовой солдат, куда пошлет родина, туда и пойдешь».

«А второй?»

«У тебя сейчас нет ничего и никого, ни дома, ни родных, а ярость в глазах горит как пламя от керосина. Такие молодые люди как ты, могут быть очень полезны, если конечно ты обучаем...?»

«Я не понимаю, о чем идет речь?»

«Пока не могу тебе сказать большего. Придется тебе сделать выбор исходя только из этого, почти вслепую».

Я взялся за голову, и не знал, что делать. Два дня назад все было ясно, батя сказал Я делал. Подумав, решил, что лучше кот в мешке, чем Я на мушке.

«Второй вариант!»

«Отлично! Ночуешь здесь, в пять утра зайду за тобой и

поедем».

«Куда?»

«Забудь про вопросы, теперь ты их не задаешь» он моментально собрал свои вещи и хлопнул дверью выйдя прочь.

4. Монета

Мои воспоминания неожиданно прервал ароматный запах свежего хлеба. Зашел Паша, в руках у него была краюха хлеба и горшок.

«Я тебе принес поесть».

«Спасибо, мой друг» он протянул все мне. В горшке было молоко, парное, еще теплое молоко, и хлеб был горячим, с чудесным, свежим запахом. Я отломил кусок и протянул ему.

«И тебе спасибо!» его лицо расплылось доброй и счастливой детской улыбкой.

Следующие несколько дней были монотонными, Я набирался сил, систематически промывал рану и по не многу ходил по сараю.

Целыми днями со мной находился Павел. Он без умолку то рассказывал мне свои истории, то спрашивал меня. Чаще всего он возвращался к вопросу «Что же с тобой случилось», естественно Я не мог ему рассказать, да и не хотел. Не хотел ни рассказывать, ни подвергать их риску. Как говорится «Меньше знаешь, крепче спишь».

Если честно, мне нравилась его компания, учитывая, что выбирать тут было не из чего. Благодаря ему, и тому, что он меня отвлекал и развлекал, дни шли на много быстрее.

День на четвертый или пятый, по деревне поползли слу-

хи о таинственном госте в сених. То и дело слышались шаги вокруг, мелькали тени, а самые любопытные заглядывали в щели.

С самого утра ко мне зашел дед, его вид был очень взволнован, он ходил из угла в угол и ничего не мог сказать.

«Я все понял, сегодня вечером, как стемнеет, Я покину Вас».

Он подошел ко мне, положил руку на плечо и посмотрел в глаза, они были одновременно наполнены и печалью, что приходится таким образом выгонять гостя, и облегчением, что Я все понимаю и не таю обиды.

«Да что Вы, это Вам спасибо за все! Кто знает где был бы сейчас без Вашей помощи, в канаве или тюрьме».

«Привет» сказал Паша, зайдя в мой просторный номер.

Дед похлопал меня по плечу, и, выходя из сарая, потрепал волосы внука.

«Все хорошо? Дед какой-то расстроенный».

«Да, Паш. Все хорошо. Я сегодня вечером покину Вашу компанию».

«Почему?» лицо мальчугана моментально наполнилось грустью.

«Мне уже пора возвращаться, пока меня не спохватились, точнее, если меня еще не спохватились. И поверь, Вам будет намного лучше и спокойнее без меня».

«Это потому что, начали спрашивать кто у нас в сарае живет?»

«И поэтому тоже».

«А мы с тобой еще увидимся?» Я видел, как к его глазам подкатили слезки, и он еле сдерживался, чтоб не выпустить их.

Что ответить ребенку, недавно потерявшему родителей, солгать или сказать правду? Правда его расстроит, хоть и ненадолго, но потечет целая река слез. Терпеть не могу слезы, когда собеседник плачет, так и хочется каким-нибудь насильственным способом прекратить это. С другой стороны, невинная ложь, успокоит его, сбережет мои нервы и сэкономит огромное количество времени.

«Конечно! Наши пути еще пересекутся!» но лучше бы тебе меня не узнать и пройти мимо, подумал Я про себя. «Дружище, принеси пожалуйста воды, жажда замучила».

«Я лучше принесу тебе поесть что-нибудь».

«Спасибо».

Оставшись один, Я принялся собираться. Точнее убираться за собой, собирать мне было нечего.

«Рубашка и брюки в крови, как же Я в город в этом войду?» только Я подумал про себя, как в дверях появился мой юный товарищ.

«Дед попросил тебе передать, это принадлежало моему отцу...» в руках у него были поношенные брюки с рубашкой.

Не сказать, что они сидели на мне шикарно, хотя бы следы крови отсутствовали.

Смеркалось. Я умял свой последний ужин в гостях, и был

готов отправляться в путь дорогу. Неожиданно для меня, за воротами раздался шум, Я схватился за рукоять ножа, что висел у меня на поясе справа, как в тоже мгновение распахнулись двери.

Это был дед с внуком, они стояли возле той самой телеги. Он махнул мне, мол давай, запрыгивай.

«Спасибо конечно, но Я не хотел бы злоупотреблять Вашим гостеприимством».

«Ты ведь ранен, лучше сэкономь силы».

«Хорошо, давай тогда прощаться. У меня кое-что есть для тебя. Когда Я переодевал брюки, нашел у себя в кармане старую монету, ее Я выиграл у сослуживца, она приносит удачу, мне отслужила, теперь пусть служит тебе!» глаза мальчугана засверкали от радости.

«Ухты! Эта моя первая старинная монета! Спасибо!» он вцепился в меня как котенок в кусок рыбы «Спасибо, пап!»

Для меня это было очень неожиданно и трогательно, Я обнял его, но пора было идти.

«Прощай мой дорогой друг!» сказал ему уходя «Береги себя и о дедушке позаботься».

«Прощай» опустив голову, ответил он мне.

«Вы не против, если Я в телегу завалюсь?»

Дед улыбнулся и пожал плечами, через мгновение мы поехали.

5. Игла

Стемнело почти моментально. По небу ровным слоем рассыпались звезды. Телега плавно ехала, покачиваясь на кочках. Мне это все напомнило один момент из жизни.

Сразу после того как усатый вояка забрал меня из военкомата, мы сели на поезд. Ехали на нем три дня, сама дорога была не настолько долгой, как остановки на станциях для сцепления и расцепления вагонов, погрузки и разгрузки, как техники, так и людей, эти остановки занимали очень много времени, а дальше приходилось пересаживаться с одного грузовика на другой, чтоб добраться туда, куда Я не знал лежал наш путь. Так как транспорта категорически не хватало, грузовики были переполнены. Да и то, что даже попал в переполненный грузовик было несказанным везением, все остальные шли пешком многие километры, загруженные обмундированием с ног до головы.

Мой сопровождающий, конечно, ехал не в кузове, ему было достаточно показать свою красную корочку и место в кабине было обеспечено. Иногда конечно возникали такие смешные ситуации, когда к примеру лейтенант начинал возмущаться, мол «Отец, не взирая на возраст у старших по званию есть привилегии, а ну-ка сдрыснул в кузов...» на что тот невозмутимо доставал свои документы, собеседник без еди-

ного слова, краснея и бледнея просто стекал из кабины. Все остальные, включая меня, ехали в открытом кузове, нас там было человек двадцать пять, теснились как могли.

Времени в дороге было уйма, каждый коротал как мог, одни болтали, другие пели, играли в карты, рассказывали анекдоты, а некоторые даже умудрялись подшивать вещи на ходу.

Один из моих соседей напротив Геннадий, просто не расставался с иголкой, подшив все свои вещи, начал спрашивать у рядом сидящих нужны ли им услуги швеи, и не успокоился пока всех по очереди не спросил. Прямо весь такой рубаха парень. Закончив предоставлять услуги, он положил свои драгоценные иголки в бумажечку, аккуратно свернул и убрал в карман брюк.

Сейчас Я вспоминаю это, и понимаю, что было достаточно весело, не припомню, чтоб с тех пор столько смеялся, пел и знакомился с таким количеством людей за раз. Все было таким не определенным, захватывающим и интересным.

Самое неприятное было второй ночью. Чистое звездное небо заволокли тучи, очень быстро стало холодно. Мы сидели на копчиках, прижимались спиной к спине и плечом к плечу стараясь сохранить как можно больше тепла, все было нипочем, пока резко не начался ледяной дождь.

Он был такой силы, что видимость не превышала и пяти метров, тусклые фары грузовика были не в силах пробиться сквозь стену воды.

Вокруг была тишина, лишь тяжелые капли, шум мотора,

и ругань из кабины перебивали ее.

«Да куда ты гонишь!?!»

«У меня приказ успеть в срок!»

«Нечего не видно, ты ведь убьешь всех нас!»

«Прорвемся... Я по этой дороге уже раз двести ездил и столько же...»

Их крики перебили наши. Неожиданно грузовик начал заваливаться вправо, водитель пытался вывернуть, прибавляя газ, рев мотора был все громче и громче, но уже было поздно.

Машина скользила в черную пропасть, в темноте было непонятно насколько она глубока, мы цеплялись за всё что могли, как кошки старались удержаться, но через пару секунд последовал громкий хруст, за ним сильнейший удар, который выбросил всех нас прочь.

Мгновенно стало тихо, двигатель заглох, а время замедлило ход. В темноте слышались только глухие удары с короткими стонами. Я быстро сообразил, что нужно сгруппироваться перед падением, но особо не успел, левым плечом врезался в дерево, со всего размаха плюхнулся на землю и покотился, перевернувшись раз десять.

Наверно минуту-другую Я собирал силы, чтоб встать, плечо ныло словно после удара кувалды, на удивление больше ничего не болело, сильно кружилась голова, но все остальное было в норме. К сожалению, не сказать тоже самое про остальных.

Стоны боли начали заполнять тишину, честно скажу, это просто отвратительнейший звук.

«Все живы?» раздался голос в темноте.

«Помогите мне дотащить его до грузовика» сказал другой.

«Аккуратнее, тут везде тела» произнес третий.

В темноте было ничего не видно. Мы бродили, искали своих спутников, спотыкались то о поваленные деревья, ветки, и о тела. Собрав всех, кого получилось найти, вернулись к грузовику.

Спать не получилось ни у кого, вся ночь сопровождалась какофонией стонов.

С первыми лучами солнца мы начали осматривать пострадавших и осматривать территорию. Я бы мог сказать, что ничего страшнее не видел в жизни, но это не так.

Грузовик скатился с трехметрового крутого, глиняного склона. Толи к счастью, толи к несчастью налетел на огромную сосну, от силы удара нас катапультной выкинуло и не позволив ему перевернуться и раздавить всех нас.

В кузове, возле правого борта сидел молодой коротко стриженный, почти на лысо парень. Всю дорогу он молчал и всматривался вдаль. Его тело так и осталось в кузове, расплющенное сосной. Рыбьими глазами он смотрел на меня, Я закрыл его глаза, вытащить без помощи техники его было не реально, пришлось там и оставить тело.

На одном из деревьев, примерно на уровне моей головы, весело проткнутое веткой тело. Он поймал её в полете, в рай-

он грудины, она прошла насквозь, прям насадила его на себя, смерть была моментальной.

Остальным повезло больше, хотя и не всем. Переломы рук, ног, разбитые головы, выбитые зубы, вывихнутые конечности и т.д.

«Швея, ты как?» спросил Я у Геннадия.

«Все нормально, только правая нога жутко болит» его лицо искажала боль.

«Шевелить можешь?»

«Да, но очень больно» он постанывал щурясь.

«До медпункта доберемся, там посмотрят».

«Добраться бы...»

«Командир, что будем делать?»

«Ждем следующий грузовик, и грузим всех до ближайшего медпункта» сказал усач.

«Я все не осмеливаюсь спросить, как мне к Вам обращаться?»

«Давай по имя отчеству, чтоб не привлекать внимание. Зовут меня Марк Захарович»

«И долго нам ждать следующий транспорт?»

«Думаю нет. Они тут почти постоянно ездят».

«Меня давно мучает вопрос».

«Какой же?»

«Почему у Вас на форме нет никаких опознавательных знаков?»

«Зачем лишний раз привлекать к себе внимание?» отве-

тил вопросом на вопрос Марк Захарович.

«Так Вас сразу бы все пропускали и...»

«А зачем меня пропускать?» перебил он меня «там, где нужно Я и документ могу показать» он с важным видом поправил свои усы «и ты знаешь, иногда очень приятно какого-нибудь лейтенанта поставить на место» он кивнул в сторону с довольной улыбкой на лице, показывая на последний случай его успешного воспитания «Так что мы сами с усами» он хлопнул меня по плечу и отошел в сторону чтоб покурить в тишине.

Так и получилось. Часа через полтора мы услышали приближение грузовика, вышли на дорогу, перегородили путь и остановили его.

«У нас тут авария произошла, есть раненые. Нужно срочно в медпункт!»

«А с моими мне что делать? У меня тоже все забито».

Усатый подошел к старшине и козырнул ему своей корочкой. Старшина резко оправился и отдал ему честь.

«Всем покинуть грузовик! Загрузить раненых!»

Мы с Геннадием активно участвовали в погрузке, но к концу у него отнялась нога. Затащили его и через минуту грузовик отправился в путь, точкой назначения был ближайший поселок с медпунктом. Я сидел с ним и пытался подбодрить и отвлечь.

«А вдруг что серьезное?»

«Да ну ты брось! Наверняка ерунда, вывих или на край-

ний случай перелом. Давай не будем придумывать, а решать проблемы по мере их поступления».

«Надеюсь... У меня теперь и левая нога начинает болеть».

«Это все твой мозг над тобой издевается. Все будет хорошо, вот увидишь. Куда мы без нашей швеи? Ты ведь всю страну обещал заштопать» на мгновение он улыбнулся, пока не засунул руку в карман и обнаружил что иголки в кармане отсутствуют.

«Твою мать» вскрикнул он «у меня иголки исчезли!»

«Да ладно тебе, они у тебя волшебные что ли? Те самые? Единственные и неповторимые?» недоумевая пытался переключиться на шутку.

«Ты не понимаешь!» он схватил меня за китель и начал переходить сначала на крик, а затем на истерику «Бумажка, та в которую их убрал в кармане, а иглолок в ней нет!!!»

«Я тебя не понимаю».

«Иглы впились мне в ногу! Они внутри меня!»

«А такое возможно?»

«Я не знаю...» ответил Геннадий. Истерика накрыла его с головы до ног, он рыдал так, что Я совсем забыл о боли в плече.

«Дружище, все обойдется, потерпи только, еще немножко...»

Я хотел было его отвлечь, но мой рассудок был захвачен этой страшной картиной. Как где-то внутри моего приятеля, в его плоти и крови движутся маленькие и острые иглы смер-

ти. Я сам еле сдерживался, чтоб не впасть в панику, лишь надежда теплилась внутри, что помощь скоро придет.

Дороша была долгой. Я не отрывал глаза от товарища и часов. Через два с половиной часа, наконец, доехав до поселка, Я спрыгнул с еще не остановившегося грузовика и воорвался с криками в медпункт.

«Срочно! Помогите! Носилки!»

Ко мне подбежали два санитары.

«Что случилось?» спросил один из них.

«С носилками к грузовику! Срочно!»

«Что случилось?» переспросил второй.

«У нас ночью перевернулся грузовик с людьми, у одного из ребят в кармане были иглы, возможно, они внутри него».

«Срочно, готовьте операционную» крикнул один из них медсестрам.

В грузовике было много людей, требующих помощи, но Я переживал только за своего нового приятеля. Положив его в носилки, санитары почти бегом добрались до операционной.

«Я наверно снаружи подожду?» растерянно спросил врача вытирающего руки о полотенце.

«Нет. Ты тут нужен» ответил он «санитары пока помогут остальным».

«Хорошо. Что мне делать?»

«Для начала расскажи, что случилось».

«Наш грузовик ночью перевернулся. У него были иглы в кармане, теперь их там нет, но бумажка так и лежит в кар-

мане штанов».

«Как тебя зовут?» спросил врач у моего приятеля.

«Геннадий» ответил он сквозь боль.

«Геннадий, сколько было иголок в кармане?»

«Три».

Огромными ножницами медсестра разрежала ему правую штанину, ступня у него была уже синяя, даже фиолетовая, остальная нога тоже отдавала синевой. У меня захватило дух, Я с силой сомкнул глаза и отвернул голову в сторону, переводя дыхание, ничего подобного в жизни не видел.

«Тут больно?» спросил врач, ощупывая ступню.

Геннадий не мог ответить, он жутко кричал от боли.

«Придется ампутировать. Готовьте пилу» сказал он медсестрам.

«Что? Нет! Нет! Не надо! Прошу Вас!» кричал бедный товарищ.

«Если неотрежем, ты умрешь» ответил он ему.

«Н-е-е-е-т...» сквозь слезы и стоны вырывалось из Геннадия, «Останови их!» смотрел он на меня.

«Что мне делать?» мой голос дрожал.

«Свободных рук нету, так что будешь держать его».

«Анестезии нету?»

«Нету. Налейте ему сто грамм спирта. И где эта чертова пила с ремнями?!»

Мне принесли кружку спирта.

«Дружище, выпей, будет больно...» мои руки тряслись.

«Одна из игл точно в ступне, завяжи жгут» обратился он к санитару «начнем отсюда» он взял в руки пилу и увидел мои шокированные глаза «Ты сегодня ел?» спросил он у меня.

«Нет».

«Хорошо, если почувствуешь, что тебя начнет выворачивать, беги к раковине».

«Готово. Затянул» сказал санитар.

«Ну тогда поехали!»

Он занес пилу и начал резать плоть моего товарища. Я никогда не слышал ничего более отвратительного, чем звук переламинающейся кости и душераздирающие крики. Он водил пилу вперед-назад, все его движения сопровождали маленькие вырывающиеся струйки крови, до тех пор, пока не перепилил кость до конца. Стоило ему взять ступню в руки, отделить ее от ноги товарища, Я почувствовал, как что-то поднимается из моего желудка и рвется наружу. Едва успел добежать до раковины и не перепачкать пол своим содержанием желудка.

Я прополоскал рот и умыл лицо, сел на пол и начал приходить в себя. На противоположной стене весело зеркало, в нем Я нашел свое отражение, сперва даже не понял, что смотрю на себя, в отражение Я был бледный как труп.

«Тут только одна иголка».

«Что?» Я поднял глаза и увидел, что у врача в руках была ступня, он вскрыл ее как консервную банку. У меня опять начались рвотные позывы, но уже было нечему вырываться.

«Продолжаем! Ампутлируем до колена!»

«Молодой, давай помогай» сказал мне санитар.

Опять скрип, боль, крик. В воздухе пахло кровью и паленой костью, запах очень мерзкий скажу Я Вам. Геннадий к тому времени уже потерял сознание, возвращался к нам лишь на секунды с нечеловеческими воплями и опять утухал.

В очередной раз, отделив кусок от плоти, мне поплохело, и Я вернулся к раковине умыться холодной водой. Закрывая глаза старался переместиться и представить что-то хорошее, приятное, но меня словно насильно перемещала реальность в этот кошмар.

«И тут нет. Надо резать дальше!»

«А что будет если они останутся в нем?»

«Сердце работает как насос, а вены и артерии для иглы – это трубопровод. Если они попали в вены, то будут идти пока не дойдут до сердца, а если дойдут, то всё...»

«В смысле всё? Совсем всё?!»

«Да, игла остановит сердце! Проткнет его».

Я схватился за голову «Как так может быть то?» сказал полусшепотом.

«Ставь жгут чуть ниже таза!» врач санитару.

«Готово» не прошло и минуты.

«Давай назад, держи его молодой».

Это была сцена из большого кошмара. Посередине стоял стол, на столе когда-то белая простынь залитая кровью, на

ней мучающиеся тело, а над ним два перемазанных кровью человека, будто два мясника вооруженные пилой. Далее была опять подобная сцена, только с каждым разом крови и отрезанной плоти с запахом паленой кости становилось все больше и больше.

«Ну, теперь то все?» спросил Я, держась руками за голову, метаясь от стены к стене.

«Сейчас вскрою этот кусок, если найду иглы, то все...» прошло не больше минуты как он продолжил «mmm, неа, и тут нету...»

«Он говорил, что у него начинала вторая нога болеть» вспомнил Я.

«Срежьте штанину» сказал врач сестре.

Вторая нога было тоже синюшная, врач тяжело вздохнул.

«Придется и эту резать».

Эти ужасы повторялись раз за разом, и продолжались несколько часов. Каждые десять – двадцать минут Я подходил к раковине то попить, то сплевывать, то, что выпил. В итоге он отрезал и вторую ногу кусками по бедру.

«Есть хорошая и плохая новость. Хорошая заключается в том, что нашел еще одну иглу...»

«А плохая в том, что еще одна осталось в нем?»

«Да...»

«А может вы ее просмотрели?»

«Очень маловероятно...» говорил он, изучая куски ног.

«Что теперь?»

«Тут к сожалению, уже ничего не поделать... Он обречен... Я, да и сомневаюсь, что кто-то другой смог бы сделать такую операцию в данных условиях».

«И сколько ему осталось?»

«Нисколько. Мы даже переносить его не будем, любое движение может его убить. И предполагать не буду, где сейчас может находиться игла. Это ведь нужно учитывать сколько времени она в нем, сколько он двигался, и...» посмотрев на моё лицо он понял, что говорит лишнее «Нам оставить вас? Хочешь с ним попрощаться?»

«Да, пожалуйста...»

Я принес стул и сел рядом с ним. Операционная была похожа на какую-то адскую комнату, посередине на столе лежало измученное, искалеченное тело. Возле стены стоял еще один стол, на нем громоздились изувеченные куски плоти, в поисках иглы хирургу пришлось растерзать каждый кусок, выглядело словно кость внутри взорвалась, разворотив мясо, превратив в фарш.

Я сидел рядом и повторял одни и те же слова:

«Господи, пожалуйста, хоть бы он не пришел в сознание и не увидел весь этот ужас. Пусть он умрет без физической и душевной боли. Пусть земля ему будет пухом...»

Его тело лежало рядом со мной, Я отчетливо слышал его вдохи и выдохи. Менее чем через пол часа он сделал свой последний вдох, открыв рот громко набрал воздуха в легкие и лишь успел сжать кулак, он ушел так и не придя в себя.

«Спасибо!» прошептал Я.

Его тело было между мной и окном, на его лицо падал луч солнца. Я видел, как изо рта выходил пар, словно душа покидало его брненное тело.

«Прощай мой друг! Пусть земля тебе будет пухом!»

Грустно, что в последний путь проводил его Я, не кто-то из близких, а еще вчера совсем незнакомый человек, как-то это не правильно...

6. Возвращение в город.

К полуночи мой кучер довез меня почти до города. Я прекрасно знал расположение постов охраны, и попросил деда провезти и оставить меня в определенном месте по определенному маршруту.

«Вы мне стали родным» начал Я прощание со стариком «прямо как отец. Я даже успел привязаться к Вам обоим. Спасибо огромное! Надеюсь, Я вам не причинил много неудобств» в ответ он мне слегка улыбнулся. Мы крепко пожали друг-другу руки и разошлись.

Мой путь пролегал по темным узким улочкам, там, где можно наткнуться на неприятности, но остаться незамеченным полицией. Я крался как нашкодивший кот, боясь сделать лишний звук. Местами было настолько темно, что приходилось идти почти на ощупь, то и дело спотыкаясь и ударяя колени и локти. Как назло, только глаза привыкают к темноте, как туже за углом стоит столб с ярко свечащей и слепящей лампочкой.

Я почти было добрался до общежития, где снимал комнату, мне всего-то оставалось только пройти по улице Анне Кирхе и через кладбище. Но в моем случае легко не бывает, а если и получается, то очень и очень редко.

Впереди слышались громкие возгласы, Я успел разобрать

два или три мужских голоса и один женский, они толи громко спорили, толи ругались. Подойдя по ближе, начал прислушиваться и присматриваться.

Трое мужчин примерно лет тридцати окружили молодую девушку, судя по происходящему она хотела уйти, но они всячески закрывали ей путь. Лицо у бедняжки было перепугано до чертиков.

«Ну куда же ты торопишься?!» говорил один из мужчин явно в нетрезвом состоянии.

«Побудь с нами, мы тебя не обидим» добавлял второй.

«Извините, мне пора идти» дрожащим голосом говорила она.

«Ты хочешь нас обидеть?»

«Нет, что вы!» пыталась не довести она до конфликта.

«А, по-моему, ты хочешь нас обидеть!»

«Вот и Я тоже так думаю».

«Красотка, давай прогуляемся с нами. Тут неподалеку есть отличное заведение...»

«Никуда Я с вами не пойду!»

Ситуация накалялась, и обстановка мягко говоря была не в её пользу. Мне вмешиваться категорически не хотелось, разбираться с тремя пьяными мужиками, ночью, уставшим после дороги для меня было не вариантом. Это конечно скотство, не помочь человеку в данной ситуации, но Я был не в той форме, чтоб рисковать.

Тихонько перейдя на другую сторону улицы, свернул в пе-

реулок между домами.

«Убери от меня руки!» закричала девушка.

«Ну хватит тебе, не ломайся! Пошли уже...»

«Сейчас подойдет мой парень и...» перебили её.

«Да какой парень, что ты выдумываешь...»

«А вот ты где!» Я не смог уйти и развернулся к шумной толпе, вооружившись беспощадной улыбкой «а Я тебя на улице Аммон жду... Ты давно тут?»

Все застыли. Гопники смотрели на нее, она на меня, слегка приоткрыв рот.

«Ну что, пошли? Нас уже наверно все потеряли...» аккуратно взял ее под руку.

«А... Ну да... Пошли...»

«Ребят, вам чем-нибудь помочь? Может вы заблудились?» спросил Я шпану.

«Не-не, так, друзей ждем» ответил один из них с сбивающим с ног перегаром изо рта.

«Ну тогда, всего доброго!» договорил Я уже отворачиваясь и уходя.

Если б она не сказала про молодого человека, который должен её встретить, то Я наверно не выскочил бы из темноты, а может быть и вышел. Не знаю...

«Только локоть не отдергивай» начал Я полушепотом «они смотрят на нас. Сейчас свернем за угол и все».

«Хорошо» ее голос дрожал, сдерживая слезы.

Мы не спеша дошли до конца улицы Анне Кирхе и свер-

нули налево. Она отдернула руку.

«Ты далеко живешь?» спросил Я «может мне тебя проводить? Кто знает сколько ты еще кавалеров по дороге нацепляешь...» для разрядки обстановки улыбнулся.

«Возле почты».

«Мне почти по пути. Пошли!»

«Спасибо Вам!» успокоившись через минутку начала она.

«Вам? Давай сразу перейдем на ты».

«Хорошо. Спасибо тебе».

«Да за что?»

«Что не прошел мимо».

«Да ладно тебе...»

«Я уже не знала, что делать... Оставалось только бежать, но боялась, что они догонят, и только хуже сделаю».

«Да, ситуация патовая...»

Нависло неловкое и напрягающее молчание.

«Обожаю этот город по ночам, когда зажигают свет он становится просто волшебным».

«Это единственное время дня, когда на улице царит тишина...»

«Я смотрю ты приходишь в себя?»

«Да, мне намного лучше. И воздух намного чище ночью» она глубоко вдохнула, и не спеша выдохнула воздух, даже немного пошатнулась.

«Так что девушка вроде тебя могла забыть в такое время и в таком месте?»

«Лучше не спрашивай» её лицо залилось стеснительной и очень милой улыбкой.

«Почему?»

«Мне неловко».

«Мы почти у почты, теперь куда?»

«Да, собственно говоря, мы уже на месте, вот этот дом напротив».

«Ну, спасибо тебе за приятную прогулку».

«И тебе спасибо, что спас меня» она робко улыбнулась.

«Ты не против завтра прогуляться еще раз, только не так поздно если возможно?»

«Да, давай».

«Часиков в семь тебя устроит?»

«Хорошо».

«В семь возле почты?»

«Договорились» её улыбка подсказывала мне, что все делаю правильно.

Мне было как-то спокойно рядом с ней, и хотелось это повторить. Она открыла дверь и зашла в нее. В последний момент Я опомнился.

«Постой, а как тебя зовут?»

«Габриэль».

«Спокойной ночи Габриэль!»

«И тебе мой рыцарь» она растворилась в темноте, дверь захлопнулась.

Внутри, в груди, было такое приятное чувство, оно теплом

растекалось по всему телу, разнося счастье в каждый его уголок. Я шел чуть ли не в припрыжку, самому не верилось, что день и неделя так неожиданно закончилась приятным знакомством.

Пробраться в общежитие посреди ночи и остаться незамеченным было проще-простого, вахтерша уже давно заполняла тишину коридора своим монотонным храпом, нужно было лишь не создавать лишнего шума. Я снял обувь и в носках проскользил по плиточному полу.

«Удивительно, как она еще заговорила со мной?» подумал Я про себя зайдя в душ, мягко говоря запашок, исходящий от меня, стоял не первой свежести.

Утух Я почти мгновенно, стоило мне только лечь в кровать, почувствовать, как матрац прогибается под моим весом и дотронуться головой до подушки как меня выключило.

7. Ганс

Снов Я не видел, просто на мгновение погрузился в темную невесомость, она закончилась моментально, словно прошло пару минут, но на улице уже светило солнце, а в коридоре то и дело были шаги.

«Эй» окрикнул Я соседа через щелочку в двери.

«Чего тебе?»

«Какой сегодня день?»

«Ты головой ударился?» ехидно улыбнулся мне в ответ.

«Да вроде нет...» на автомате почесывая голову.

«Пятница» сказал он уходя.

«Отлично» подумал Я про себя «у меня увольнительный до субботы, глядишь пронесет...»

Времени до вечера было более чем предостаточно, торопиться мне было некуда и всего пару дел. Я уставился в потолок, закинул руки за голову, лежал и наслаждался моментом, когда еще так вальяжно получится поваляться...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.